

УДК 811.111

ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.А. Карачевцева

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: KN9038761111@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье предпринимается попытка анализа отдельных лексических, морфологических и синтаксических приёмов формирования языковой игры в отечественной художественной литературе, адресованной детям. Реализация игрового наполнения в представленных примерах авторской передачи языковой игры на разных уровнях языковой иерархии осуществляется посредством установки на коммуникативность, эстетичность и достижение комического эффекта. В результате наблюдается трансформация своеобразия разговорного живого общения в форму художественной словесности с эффектами авторского стиля для привлечения внимания реципиента.

***Ключевые слова:** языковая игра, комический эффект, художественный текст, лексические приёмы, словоформа, синтаксические явления.*

Введение.

В настоящее время феномен языковой игры по-прежнему остаётся актуальным аспектом современной лингвистики: исследователей интересуют новые подходы к определению данного понятия, а также функционирование и приёмы передачи языковой игры на разных уровнях комплексной знаковой системы. Сложность самого обозначаемого феномена заключается в многоплановости, которая делает затруднительным непротиворечивое и исчерпывающее определение языковой игры [Николина, Агеева 2000: 551]. Но корень понимания языковой игры (далее – ЯИ) у многих языковедов сходится в принципе целенаправленной деятельности, активного «творчества», результатом которого становится не статический продукт, а эстетический. Любые языковые единицы, в большинстве случаев слово или высказывание, берут на себя роль игрового компонента в креативной речевой деятельности носителя языка. Вследствие данной установки возникает парадокс между стандартной формой/значением знака и новой ассоциативной версией того знания, которое он воплощает через лингвистические приёмы [Гридина 2002: 26]. Так, термин «языковая игра» вошёл в научный обиход отечественного языкознания с публикацией работы Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой [Земская,

Китайгородская, Розанова 1983], где «свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже скромное... незатейливая шутка, каламбур и разные виды тропов». Заложенный комизм выступает в роли средства и «смягчения» сообщения, и точной передачи мысли наряду с образностью и выразительностью [Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 173]. Вместе с тем отметим значимость коммуникативного потенциала ЯИ или каламбура, репрезентирующих в эвфемистичной форме узуальные рамки их функционирования. «На фоне общекультурных доминант становится более очевидной значимость субъективной оценки реальных явлений, приобретающих в результате метафоризации объективную значимость. В этой связи энтропийный потенциал каламбура сопряжен с формированием новых смысловых акцентов и иного уровня восприятия; в нём также объективируется возможность множества направлений разрешения коммуникативной ситуации» [Зубкова 2013: 325].

Установка на коммуникативность и эстетичность наряду с комическим эффектом не ограничивается вышеупомянутым содержанием анализируемого феномена. Не давая определение понятию «языковая игра», Е.А. Земская указывает на то, что носители языка прибегают к языковой игре, стремясь к непринуждённости общения, параллельно избегая строгого узуса и грамматической правильности. Говорящие строят высказывания с установкой на шутку и вводят в речь эстетические моменты, которые могут проявляться как через возвышенные элементы, так и единицы, нарушающие нормы литературного языка и часто относящиеся к просторечиям или диалектам. Однако лингвист отмечает, что не все люди в состоянии участвовать в «языковой игре»: она распространена среди людей с высокой степенью владения литературным языком, экстралингвистическими знаниями и культурой [Земская 1979: 28]. Уместно упомянуть слова Л.В. Щербы: «...Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает чувствовать прелесть обоснованных отступлений от неё» [Книга афоризмов 2015: 694]. Если образованный человек в своей речи употребил следующие выражения: «нихай едет» или «куды собрался», – он прекрасно осознавал, что «нихай» и «куды» – отступления от нормы, которыми он может оперировать для создания комического эффекта в коммуникации: в результате надев речевую маску сельского жителя и сделав игру игрой. Тем самым игровой эффект достигается путём понимания говорящим незыблемости стилевых норм и стереотипов. Значимо при этом то, что это понимание «подразумевает взаимозависимость между целью и средствами коммуникации, между прагматикой и семантикой» [Soboleva, Fakhrutdinova, Zubkova 2019: 342].

Материалы и методы.

Подобное широкое понимание языковой игры предполагает её реализацию в художественном тексте, где элементы творчества живой коммуникации приобретают письменную оболочку под пером автора; и самые яркие новообразования не исчезают бесследно, а входят в словарь общенародного языка. В художественной литературе «комический эффект», один из главных признаков языковой игры, от балагурства, характерного для разговорной речи, переходит в разряд острот, через которые писатель закладывает что-то «тонкое» и «высокое» на содержательном уровне. Таким образом, автор текста обращается к интеллектуальным способностям и опыту реципиента, рассчитывая на удовольствие от неожиданности, парадоксальности образовавшегося феномена и желания поддержать игру, разгадать глубинные намерения адресата [Санников 2002: 23].

«Размытие», «смягчение» языковой системы посредством нарушения правил, балансирование на грани нормы – всё это характеризует языковую игру, которая на страницах художественного текста является отражением придуманного мира через призму реальности [Норман 2006: 8-10]. Реализацию языковой игры, создаваемой через отношения языка и действительности, можно проследить на отдельных приёмах обыгрывания единиц языковой иерархии.

Неисчерпаемым арсеналом для введения языковой игры в текст является лексика: игра на компонентах значения слов, лексические синонимы, многозначность, омонимия, паронимия, фразеологизмы и каламбур – самые распространённые виды языковой шутки. Словарный состав языка – кладёзь сотни тысяч слов и фразеологизмов, имеющих в дополнение по несколько значений.

Сопоставлениям подвергаются как лексические единицы с этимологически родственными корневыми морфемами, так и слова, образованные от разных корней, но близкие между собой по звучанию. Классификация лексических приёмов ЯИ, по мнению В.З. Санникова, включает следующие компоненты [Санников 2002: 181-314]:

1) обыгрывание важных компонентов смысла (нарушается смысловой компонент в значении глагола «разорвало»: семантика слова предполагает «что-то разделить на части, разъединить» [Толковый словарь Ожегова [http](http://)]);

И соленья, и варенья

Королю на объеденье!

Ох, скорей бы, тра-ля-ля-ля,

Разорвало короля! [Губарев 1951: 8].

2) обыгрывание пресуппозиции определительной конструкции наряду с ошибочным образованием не существующих в языке наречия

«венико» и прилагательного «выгонятельный»: «А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер весёлый – колбасно-угощательный. А у неё наоборот – тяжёлый характер. **Венико-выгонятельный**» [Успенский 1974: 5];

3) разностильные лексические синонимы, производящие комический эффект в одном высказывании – подчёркивание автором значения свободы, самостоятельности и независимости героев: «– Я ничей. Я сам по себе мальчик. **Свой собственный**. Я из города приехал... – Я, например, кот – сам по себе кот! **Свой собственный!** – **И я свой собственный!** – говорит Шарик» [Успенский 1974: 7];

4) многозначность слов: «– Нет! Надо быть **твёрдым!** Раз я решил не заниматься наукой, значит, должен исполнить» [Носов 1967: 25];

5) омонимия (имён собственных): «**Незнайка**» [Носов 1967], «**Матроскин**» [Успенский 1974], «**Шапокляк**» [Успенский 1966], «**Звёздочкин**» [Носов 1967], «**тётушка Ласка**» [Губарев 1951], «**господин Жулио**» [Носов 1967], «**Змеиный переулок**» [Носов 1967];

6) фразеологизмы: 1. «– Никогда больше не буду заниматься наукой. Даже если меня станут на куски резать. Ни-ни! И думать нечего!» [Носов 1967: 25]; 2. «Лет пятидесяти с хвостиком (Это не дядя с хвостиком, а **возраст у него с хвостиком**. Значит, ему пятьдесят лет и ещё чуть-чуть)» [Успенский 1974: 7]; 3. «**Это не трактор, а бегемот какой-то. Тр-тр — восемь дыр! Чтоб ему пусто было, инженеру Тяпкину!**» [Успенский 1974: 17].

Помимо перечисленных приёмов установленной классификации В.З. Санникова, мы наблюдаем в художественных произведениях и другие способы передачи ЯИ. Рассмотрим их более подробно в нижеследующих примерах:

7) метафора, возникающая на основе эмоционально-психологического представления: «– Завтрак ещё не готов, но зато готово **сногшибательное изобретение**» [Носов 1967: 44];

8) авторский эпитет, привносящий в высказывание выразительность и эффект неожиданности: 1. «– Так это нормальные коровы! – кричит Шарик. – А твоя корова **психическая!** – И хвост коровий выпустил» [Успенский 1974: 13];

9) авторский неологизм – создание необычного понятия для описания балованных девочек «**Сейчас даже девочки пошли шурум-бурумные!**» [Успенский 1974: 40];

10) гипербола, вводимая автором с целью намеренного преувеличения, в результате которого образуется впечатляющий ход размышлений персонажа Незнайки про невесомость: «**С помощью невесомости можно поднимать и передавать огромные тяжести.**

Можно буквально горы свернуть и вверх ногами перевернуть» [Носов 1967: 66];

11) литота, представляющая собой художественное преуменьшение, которое придаёт выражению утрированную негативную эмоциональную окраску грусти и делает сложившуюся ситуацию более печальной, чем есть на самом деле: *«Гена слушал всё это **печальный-препечальный**. Из его глаз медленно выкатилась огромная прозрачная слеза. Глядя на него, Чебурашка тоже попытался заплакать. Но из его глаз выкатилась только **малюсенькая-малюсенькая слезиночка**. Такая, что её было даже стыдно показывать»* [Успенский 1966: 33];

12) сравнение, выражающее замысел автора провести линию сопоставления между персонажами произведения и вредными насекомыми, которые часто прячутся от глаз людей в потайных уголках помещений: *«– Ползи скорей в сторону. Надо под полкой спрятаться. Живей! Они оба отползли по-пластунски в сторону и спрятались под полкой – ни дать ни взять, **два таракана в щёлке**»* [Носов 1967: 152];

13) олицетворение/повышение ранга одушевлённости объекта – наделение наземного транспортного средства свойствами живого существа, в частности человека: *«Вездеход **рванулся** с места. В одну минуту он **пересёк** поляну, **перемахнул** через холм и, выехав на дорогу, **помчался** к черневшему вдали лесу»* [Носов 1967: 431];

14) лексическая идиома в роли разновидностей фразеологической единицы, в которой несвободное сочетание слов признаётся одной «готовой» номинативной единицей языка; более того, писатель подвергает замене один из компонентов устойчивого выражения «кот в мешке» на «кот в сумке», но подлинный смысл фразеологического оборота остаётся прежним: *«Он положил это письмо в свой собственный почтовый ящик, **взял** рюкзак и **кота в сумке** и пошёл на автобусную остановку»* [Успенский 1974: 3].

Часто языковая игра образуется вокруг «неприкосновенности» словоформы, как бы рассекая лексическую единицу и образуя её новый вариант: слово не разрушается и не «приносится в жертву». Морфологические категории обладают значительным игровым потенциалом в связи с возможностью соотнесения семантики и форм её выражения [Дунев 2004: 19]. В.З. Санников отмечает, что чаще всего обыгрываются следующие явления [Санников 2002: 63-91]:

1) разложение или иными словами «расчленение» словоформы в попытке шуточного переосмысления отдельных частей: *«– На букву **РР-РР-РРЫ**», – сказала Галя, – потому что леопарды **РР-РР-РРЫ-ЧАТ**. – И на букву **К**», – добавил Гена, – потому что леопарды **К...УСАЮТСЯ**. Ведь он же **ЛЕОПАРД**, а не **РР-РР-РРЫОПАРД** и тем более не **К...ОПАРД**»* [Успенский 1966: 7].

2) формальные способы выражения морфологических значений:

- «Он шёл и напевал: По улицам ходила Большая крокодила» [Успенский 1966: 10] (обыгрывание категории лица существительного);

- «Но вдруг раздалось: б-б-бум! – и что-то **пребольно** стукнуло крокодила по голове» [Успенский 1966: 20] (образование превосходной степени наречия, указывающего на высокую степень признака);

- 1. «**Мыска шусек нашусила, Мыска мысек пригласила. Мыски суски кусать штали – Зубы сразу зе иломали**» [Успенский 1966: 42] (морфологические ошибки в качестве намеренного резкого отступления от литературного языка – способ писателя в комической форме продемонстрировать последствия проступка крокодила Гены и Чебурашки); 2. «– Нет, я не из милиции, – отвечает дядя. – Я из почты. Я почтальон **тутошний** – Печкин» [Успенский 1974: 7] (грамматическая ошибка в форме знака, указывающего на происхождение и место жительства почтальона);

- «– Только кого мы будем **передружживать**, если все уже **передружились?**» [Успенский 1966: 44] (расширение парадигмы, не свойственной глаголу «дружить»);

- «Если даже никакого космонавта и не окажется, то, возможно, произойдёт ещё что-нибудь интересное. Наши телезрители **охочи** до всякой сенсации...» [Носов 1967: 177] (обыгрывание семантически содержательной стороны категории существительного во мн. числе «охочи»: так, мы наблюдаем транспозицию морфологической формы «охочий», не свойственной нейтральному употреблению вне рассматриваемого контекста).

3) Игра с семантикой морфологических категорий и форм:

- «– А что вы там делаете? – **Висю**, – отвечала старуха. – Уже два часа» [Успенский 1966: 23] (грамматическая ошибка образования формы глагола в 1-м лице);

- «**Завидев** издали приближающуюся жёлтую автомашину, операторы направили на неё свои кинокамеры и стали снимать» [Носов 1967: 179] (обыгрывание деепричастия совершенного вида, образованного от глагола «завидеть» в значении «увидеть издали» [Толковый словарь Ожегова [http](http://)].

Для создания комического эффекта в тексте писатели также обращаются к возможностям, тонкостям и «причудам» синтаксиса. Синтаксические конструкции косвенно приглашают читателя стать участником языковой игры. На нижеприведённых примерах рассмотрим проявления ЯИ сквозь обыгрывание синтаксических явлений, по-новому интерпретирующего написанное.

- «**Ах я осел! Ах я лошадь! Ах я орангутанг!** Надо же было так опозориться!» [Носов 1967: 24] (градация наряду с восклицаниями

передают чувство досады и гнева героя, придавая фразам динамизм и усиливая значимость эмоций фрагмента текста);

- *«Так они на кроватях чуть не до потолка прыгали. Как кузнечики! Из штанишек выскакивали»* [Успенский 1974: 40] (парцелляция, заключающаяся в намеренном расчленении предложения на несколько частей с целью обращения внимания читателя на эмоцию бурного удивления папы дяди Фёдора на то, «какие девочки сейчас пошли»);

- *«– Так мне, дураку, и надо! – бормотал он в отчаянии»* [Носов 1967: 30] (несмотря на то, что синтаксический приём «обращение» не выделен в отдельное предложение, эффект выразительности речи всё же достигается путём введения стилистически сниженной лексики, адресованной героем самому себе);

- *«– Конечно, придём: здесь и светло, и тепло, и мухи не кусают, – подхватил кто-то»* [Носов 1967: 30] (говорящий обыгрывает установление ложной связи между тремя однородными членами предложения, где в действительности одно (перерастающее в отдельное предложение) не зависит от двух других);

- *«– Ну, так, м-м-м... ногами сильно ударился, значит, отчего и произошло... м-м-м... некоторое растяженьице жил и... м-м-м... некоторое сотрясеньице в суставчиках... М-м-да-а!»* [Носов 1967: 55] (междометия, которые занимают относительно самостоятельную позицию в предложении и служат компонентом передачи мыслительного процесса персонажа);

- *«Пришлось бежать в поликлинику к известному доктору Иванову.*

- *Шубу, шубу шу,* – сказала она ему.

- *Шубу, шубу что?* – переспросил доктор.

- *Шубу, шубу шу!*

- *Нет,* – ответил он. – *Шуб я не шью.*

- *Да не шубу, шубу шу,* – снова зашамкала старуха, – *а мясик!»*

[Успенский 1966: 35] (для порождения комического эффекта несуразности случившейся ситуации: крокодил Гена и Чебурашка запустили бумажный шарик в рот Шапокляк – писатель обращается к звукоподражательным словам, выполняющим функцию самостоятельных частей речи и являющихся членами предложения; в результате у читателя появляется шанс на «звуковое присутствие» при разговоре Шапокляк и доктора);

- *«– Вот она, невесомость ваша, у меня на носу! – сердито ответил Пончик»* [Носов 1967: 65] (нарушение сочетаемости обстоятельства с главным словом: говорящий обращает внимание на последствия явления невесомости, отразившегося на его здоровье);

- «— *Безобразники хулиганы я вам покажу где раки зимуют крокодилы несчастные зелёные чтоб вам пусто было!!!*» [Успенский 1966: 36] (отсутствие в прямой речи знаков препинания, где, по-видимому, высказывание должно содержать несколько предложений; таким образом, писатель решил ещё раз напомнить читателю не только о злобной натуре Шапокляк, но и о её безграмотной речи).

Результаты.

В представленной работе мы рассмотрели лишь небольшую часть игры со значением слова, со словесным образом и намеренными нарушениями синтаксических конструкций в художественной литературе для детей. Однако, на наш взгляд, уже этого материала достаточно для того, чтобы сделать вывод, что приёмы языковой игры различного характера пронизывают тексты произведений, выступая в качестве эвристического кода скрытых резервов значения слова для создаваемого литературного мира. Писатели сознательно задавали код общения через речевые особенности и неправильности, легко узнаваемые детьми, и что, в частности важно, побуждающие их дальнейшему принятию участия в расшифровке новообразованных игрем [Никаноров 2020: 122]. Необходимо также заметить, что языковая игра в рассмотренных нами художественных произведениях не ориентирована на индивидуальные способности отдельных читателей: необычные употребления лексических единиц легко отличимы от неправильности или небрежности и воспринимаются реципиентами как игра, преследующая специальные художественные цели со стороны писателя. В частности, отражение особенностей детской речи на примере разговоров главных героев, являющихся сверстниками маленьких читателей.

Заключение.

Как нам представляется, языковая игра требует от читателя глубокого осмысления всех граней слова, осознания синтагматических отношений в тексте и многогранных интертекстуальных связей. Но именно благодаря этому максимально полно реализуется эстетическая функция обыгрываемых образов и слов, обеспечивается эмоциональная и комическая прагматика, необходимая для эстетического воздействия на реципиента. «Обладая к тому же сильной креативной потенцией, исследуемые феномены вносят свой уникальный вклад в более дифференцированное и мультиперспективное понимание окружающего мира, частью которого является любой индивид» [Зубкова 2016: 20]. По нашему убеждению, анализ материала показывает, что во всех рассмотренных нами произведениях приёмы языковой игры служат особым средством устранения серьёзности тона, «ослабляя» содержание

сообщения и адаптируя под целевую аудиторию, делая его более доступным для носителя языка. В довершение всего, можно подчеркнуть, что языковая игра – это и проявление индивидуального творчества, яркий способ выражения мыслей и один из путей обогащения языка.

Библиографический список

Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002. Екатеринбург, 2002. С. 22-26.

Губарев В.Г. Королевство кривых зеркал. М.: АСТ, 1951. 33 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://996v.ucoz.ru/korolevstvo-krivyh-zerkal.pdf> (дата обращения: 29.11.2022).

Дунев А.И. Грамматические механизмы языковой игры (морфологические категории и парадигмы в языковой игре) // Материалы международной конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург, 14-16 апреля 2004. С. 19-26.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172-214.

Зубкова О.С. Метафорическое моделирование современного коммуникативного пространства профессиональных языков с использованием тропеической лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. №1 (20). С.16-21 [Электронный ресурс] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).

Зубкова О.С. Сущностный аспект взаимосвязи метафоризации и образности в каламбуре. Когнитивные исследования языка. 2013. №14. С. 324-329.

Николина Н. А., Агеева Е. А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. М., 2000. С. 551-561.

Никоноров С.А. К вопросу о приёмах языковой игры в художественной литературе для детей // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. С. 122-130.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.

Носов Н.Н. Незнайка на луне. М.: Детская литература, 1967. 506 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

Сборник афоризмов – Большая книга афоризмов. М.: ЭКСМО, 2015. 733 с.

Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/200022> (дата обращения: 01.12.2022).

Успенский Э.Н. Дядя Фёдор, пёс и кот. Все истории. М.: АСТ, 1974. 54 с.

Успенский Э.Н. Крокодил Гена и его друзья. Все приключения. М.: АСТ, 1966, 2016. 54 с.

Soboleva N.P., Fakhrutdinova A.V., Zubkova O.S. Linguosemiotic correlation of categorical domains of professional metaphor in individual signification practice // *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2019. Vol. 10, Is. Special Issue. P. 341-349.

References

Gridina T. A. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel`nost` // *Yazyk. Sistema. Lichnost`*. Yazykovaya igra kak vid lingvokreativnoj deyatel`nosti. Formirovanie lichnosti v ontogeneze: Materialy dokladov i soobshhenij Vserossijskoj nauchnoj konferencii 25-26 aprelya 2002. Ekaterinburg, 2002. S. 22-26

Gubarev V.G. Korolevstvo krivykh zerkal / V.G. Gubarev. M.:AST, 1951. 33 s. [Elektronnyj resurs] URL: <https://bookshake.net/r/korolevstvo-krivykh-zerkal-vitaliy-georgievich-gubarev-d67b3> (data obrashcheniya: 29.11.2022).

Dunev A.I. Grammaticheskie mexanizm` yazykovoj igry (morfologicheskie kategorii iparadigmy v yazykovoj igre) / A.I. Dunev // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Yazyk. Sistema. Lichnost`. Ekaterianburg, 14-16 aprelya 2004. S. 19-26.

Zemskaya E.A. Russkaya razgovornaya rech`: lingvisticheskij analiz i problem obucheniya / E.A. Zemskaya. M.: Russkijyazyk, 1979. 240 s.

Zubkova O.S. Metaforicheskoe modelirovanie sovremennogo kommunikativnogo prostranstva professional`nyx yazykov s ispol`zovaniem tropeicheskoy leksiki // *Teoriya yazyka i mezhkul`turnaya kommunikaciya*. 2016. №1 (20). S.16 – 21. [Elektronnyj resurs] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/020-003.pdf> (data obrashcheniya: 30.11.2022)

Zubkova O.S. Sushchnostnyj aspect vzaimosvyazi metaforizacii i obraznosti v kalambure. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2013. №14.S. 324 – 329.

Kollektiv avtorov *Bol`shaya kniga aforizmov*. M.: EKSMO, 2015. 733 s.

Nikolina N. A., Ageeva E. A. Yazykovaya igra v structure sovremennogo prozaicheskogo teksta // *Russkij yazyk segodnya*. Vy`p. 1.Sb. statej. M., 2000. S. 551-561.

Nikonorov S.A. K voprosu o priyomax yazykovoj igry v xudozhestvennoj literature dlya detej / S.A. Nikonorov // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. S. 122-130.

Norman B.Yu. Igra na granyax yazyka / B.Yu. Norman. M.: Flinta: Nauka, 2006. 344 s.

Nosov N.N. Neznajka na lune / N.N. Nosov. M.: Detskayaliteratura, 1967. 207 s. [Elektronnyj resurs] URL: <https://scarlet-sails.club/ru/book/nikolaj-nikolaevich-nosov/neznajka-na-lune/reading> (data obrashcheniya: 28.11.2022).

Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry / V.Z. Sannikov.M.: Yazyki slavyanskoj kul`tury, 2002. 552 s.

Soboleva N.P, Fakhruddinova A.V, Zubkova O.S.Linguosemiotic correlation of categorical domains of professional metaphor in individual signification practice // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol.10, Is.SpecialIssue.P.341-349.

Tolkovyj slovar` Ozhegova [Elektronnyj resurs] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/200022> (data obrashcheniya: 01.12.2022).

Uspenskij E`.N. Dyadya Fyodor, pyos i kot. Vse istorii / E`.N. Uspenskij. M.: AST, 1974, 1997. 54 s.

Uspenskij E`.N. Krokodil Gena i ego druz`ya. Vse priklyucheniya / E`.N. Uspenskij. M.: AST, 1966, 2016. 54 s.